

DOI 10.37386/2305-4077-2021-4-77-88

С. С. Шаулов¹*Государственный музей истории российской литературы имени В. И. Даля*

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОТРАЖЕНИЕ «ДЕЛА О КУМАНИНСКОМ НАСЛЕДСТВЕ» В РОМАНЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ»²

В статье рассматривается проблема художественного отражения «дела о куманинском наследстве» в романе «Братья Карамазовы». В нем писатель в полной мере реализовал алгоритм творческой «переделки» фактов собственной биографии и семейной истории, в результате которой «текст жизни» трансформировался в текст художественном. Став основным сюжетом произведения, осложненного нравственно-психологическими и философско-религиозными конфликтами, наследственный спор отразился в его нарративной структуре: одно и то же событие раскрывается в нем с нескольких субъективных ракурсов, определяющих нравственные (само)оценки героев. Поднимаясь *над* разными представлениями о справедливости, юридическом и моральном праве в связи с наследственным делом, Достоевский-художник дает читателю потенциальную возможность оценить их в соотнесенности с христианской точкой зрения.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, «Братья Карамазовы», «дело о куманинском наследстве», «случайное семейство», нарративный дискурс.

Sergey S. Shaulov*Vladimir Dahl Russian State Literary Museum*

ARTISTIC REFLECTIONS OF KUMANIN'S HERITAGE CASE IN THE NOVEL THE BROTHERS KARAMAZOV BY F. M. DOSTOEVSKY

The article considers the issue of artistic reflections of the Kumanin's heritage case in the novel *The Brothers Karamazov*. In the novel the author fully manifested the algorithm of the artistic 'refusion' of the facts from his own lifetime and the family history. That resulted in the 'text of life' transforming into the literary text. The heritage dispute had become the plot stem of the novel. It also got complicated with a moral&psychological and philosophical&religious conflicts. The dispute threw the shadow over the narrative structure of the novel. The same event is interpreted in the book from different subjective viewpoints that define moral (self)estimations of the heroes. Rising *above* different interpretations of justice, legal and moral rights in relation to the heritage case, the artist of Dostoevsky gives the readership a potential opportunity to assess them from the Christianity prospective.

Key words: F. M. Dostoevsky, The Brothers Karamazov, Kumanin's heritage case, random family, narrative discourse.

¹ Сергей Сергеевич Шаулов – канд. филологических наук, сотрудник Государственного музея истории российской литературы имени В.И. Даля, зав. отделом «Дом-музей М.Ю. Лермонтова», член Российского и Международного общества Ф.М. Достоевского, sshaulov@gmail.com

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-90013 «Дело о куманинском наследстве» в жизни и творчестве Ф.М. Достоевского / The reported study was funded by RFBR according to the research project № 18-012-90013.

Мотивы получения наследства, испытания им семейных и дружеских уз, махинаций вокруг него активно присутствуют в романном «пятикнижии» Достоевского [Борисова, 2018, с. 32–42]. В «Преступлении и наказании» и «Бесах» они задействованы эпизодически, но весьма характерно. Так, Дуня получает три тысячи рублей по завещанию Марфы Петровны, Свидригайлов доставшиеся после ее смерти десять тысяч «употребляет» на осиротевших детей Мармеладова. В обоих случаях это в высшей степени спасительное наследство, приобретающее значение божьего чуда. Неслучайно Пульхерия Александровна вскрикивает, крестясь: «*Слава Богу!*» (т. 6, с. 229). В романе «Бесы», напротив, Пётр Степанович Верховенский упрекает отца в растрате своего наследства: «...он рубля на меня не истратил всю жизнь, до шестнадцати лет меня не знал совсем, потом здесь ограбил, а теперь кричит, что болел обо мне сердцем всю жизнь, и ломается предо мной, как актер» (т. 10, с. 240). Этот упрек предвосхищает бурную ссору Дмитрия Карамазова с отцом.

В других романах 1870-х гг. функциональная роль указанных мотивов возрастает. В романе «Идиот» они, несмотря на свой побочный характер, становятся важны в развитии сюжетного действия [См. об этом: Борисова, Шаулов, 2019, с. 106–128], в «Подростке» уже приобретают определяющее сюжетообразующее значение. Здесь Достоевский в полной мере опробовал алгоритм творческой «переплавки» важных элементов собственной биографии и семейной истории. Нам представляется важным проследить этот процесс взаимопроникновения и взаимоотражения фактов биографии и творческих интенций автора в рамках его художественной лаборатории³. При относительном сохранении событийной основы он осуществляет, наряду с переакцентировкой психологической характеристики персонажей, целенаправленную художественную контаминацию историко-биографического нарратива и литературной традиции в раскрытии темы наследства [Борисова, 2020, с. 149–165; Шаулов, 2020, с. 105–116].

В «Братьях Карамазовых» наследственный спор становится наконец основным двигателем формального сюжета: действие романа начинается с попытки разрешения спора о наследстве в келье старца Зосимы, а накануне сюжетного финала Смердяков именно с точки зрения наследственных притязаний Ивана, издеваясь, объясняет его роль в произошедшей катастрофе:

«— *Чтоб убить – это вы сами ни за что не могли-с, да и не хотели, а чтобы хотеть, чтобы другой кто убил, это вы хотели.*

— *И как спокойно, как спокойно ведь говорит! Да с чего мне хотеть, на кой ляд мне было хотеть?*

— *Как это так на кой ляд-с? А наследство-то-с? – ядовито и как-то даже отмыслительно подхватил Смердяков. – Ведь вам тогда после родителя вашего на каждого из трех братьев без малого по сорока тысяч могло прийтись, а может, и того больше-с, а женись тогда Федор Павлович на этой самой госпоже-с,*

³ На материале «сибирского текста» Достоевского этот процесс глубоко рассмотрен в монографии Е.Ю. Сафроновой: [Сафронова, 2020].

Аграфене Александровне, так уж та весь бы капитал тотчас же после венца на себя перевела, ибо они очень не глупые-с, так что вам всем троим братьям и двух рублей не досталось бы после родителя. А много ль тогда до венца-то оставалось? Один волосок-с: стоило этой барыне вот так только мизинчиком пред ними сделать, и они бы тотчас в церковь за ними высуня язык побежали.

Иван Федорович со страданием сдержал себя.

– Хорошо, – проговорил он наконец, – ты видишь, я не вскочил, не избил тебя, не убил тебя. Говори дальше: стало быть, я, по-твоему, брата Дмитрия к тому и предназначал, на него и рассчитывал?

– Как же вам на них не рассчитывать было-с; ведь убей они, то тогда всех прав дворянства лишатся, чинов и имущества, и в ссылку пойдут-с. Так ведь тогда ихняя часть-с после родителя вам с братцем Алексеем Федоровичем останется, поровну-с, значит, уже не по сороку, а по шестидесяти тысяч вам пришлось бы каждому-с. Это вы на Дмитрия Фёдоровича беспреренно тогда рассчитывали!» (т. 15, с. 52–53).

Обратим внимание на то, что если в начале произведения наследственный спор и его условия даны читателю в речи рассказчика («Вот в это-то время и состоялось свидание, или, лучше сказать, семейная сходка, всех членов этого нестройного семейства в келье старца, имевшая чрезвычайное влияние на Алешу. Предлог к этой сходке, по-настоящему, был фальшивый. Тогда именно несогласия по наследству и по имущественным расчетам Дмитрия Федоровича с отцом его, Федором Павловичем, дошли, по-видимому, до невозможной точки. Отношения обострились и стали невыносимы. Федор Павлович, кажется, первый и, кажется, шутя подал мысль о том, чтобы сойтись всем в келье старца Зосимы и, хоть и не прибегая к прямому его посредничеству, все-таки как-нибудь сговориться приличнее» (т. 14, с. 30), то в финале мотивация и объяснение его трагического «разрешения» дается в речи персонажа, имеющего собственную сюжетную стратегию и активно (даже перед самоубийством) её продвигающего.

Так происходит смена нарративного статуса описываемой коллизии: снижается или, точнее, ставится под сомнение, проверяется его достоверность внутри описанного художественного мира. Вектор этого процесса параллелен постепенному усложнению формального сюжета, к которому прикрепляются психологические (любовное соперничество отца и сына), антропологические («Исповедь горячего сердца»), и, наконец, философско-религиозные (антитеза Ивана и Алёши: «Бунт» и «Кана Галилейская») конфликты. При этом каждый из этих конфликтов при всей своей отвлечённости от реально-бытовой жизни продолжает оказывать воздействие именно на формальный, событийный сюжет романа, связанный с темой наследства, в том числе, с «делом о куманинском наследстве».

Оно, без сомнения, присутствовало в круге обыденных проблем, занимавших Достоевского в 1870-е годы [См. об этом: Борисова, 2019, с. 46–68]. В последнем романе отчетливо видно, что оно находилось в активном поле и творческого

сознания писателя. Причем, во время работы над «Братьями Карамазовыми» куманинское дело, видимо, «сработало» как своеобразный центр, к которому притягивались и воспоминания юности о смерти отца и разделе родительского имения, об отношениях с опекунами и семейных конфликтах вокруг обоих наследств (отцовского и куманинского). В целом наследственный конфликт в обеих реальных ситуациях и в своих художественных отражениях содержит несколько ключевых тем.

Во-первых, это разделение наследников: фактическое (они оказываются «пристроены» в разных семьях, как это было и с молодым поколением Достоевских, и с братьями Карамазовыми) и, самое главное, душевное. В «Братьях Карамазовых» братья вынуждены *знакомиться*, действительно, не зная друг друга. Фёдор Михайлович же в одном из писем С. А. Ивановой именно в связи с наследственными делами писем пишет о родном (!) брате Андрее: «...он меня, как человека, не знает» (т. 29/1, с. 59).

Интересно, что первая часть приведённой только что цитаты содержит пересказ обвинений от брата Андрея в адрес брата Фёдора, содержательно и эмоционально совпадающих с «объяснениями» Смердякова Ивану: «...я не могу быть грабителем чужого и затевать процессы, чтоб отнимать у других, как думал, например, про меня в деликатнейшем письме ко мне другой душеприказчик тетки – брат Андрей Михайлович» (т. 29/1, с. 59). Здесь, разумеется, не может идти речь ни о какой «прототипической» связи. Это пример творческого использования писателем «материала» семейных споров для разработки образов и сюжетных ситуаций своего романа. Куманинское наследство в этом смысле усугубило семейное разделение – точно по пророчеству сестры писателя, Веры Михайловны, о «несчастном» наследстве, из-за которого все «перессорятся».

Наконец, объединение двух тем – родительского и куманинского наследства – в контексте последнего романа Достоевского обусловлено биографически: именно Куманины взяли на себя заботу о младших братьях и сестрах Достоевских после смерти родителей. Всё это придает наследственному спору Фёдора Павловича и Дмитрия Фёдоровича отчетливые автобиографические коннотации. Дело не только в названии Черемошня или Чермашня, отсылающих читателя, знакомого с детством Достоевского, к имени, купленному в 1833 году отцом писателя. Интересно, что Даровое было приобретено на имя Марии Фёдоровны, а Черемошня на имя Михаила Андреевича – частично на деньги, полученные от отдачи в залог Дарового. Учитывая, что отношения Куманиных и М. А. Достоевского не были безоблачными, схема покупки Черемошни должна была вызвать в семействе, где воспитывались младшие братья и сёстры писателя, негативную оценку.

В описании махинаций старшего Карамазова реализуется похожая «схема»: «...Фёдор Павлович, который, как известно теперь, подтибрил у неё тогда же, разом, все её денежки, до двадцати пяти тысяч, только что она их получила, так что тысячки эти с тех пор решительно как бы канули для неё в воду. Деревеньку

же и довольно хороший городской дом, которые тоже пошли ей в приданое, он долгое время и изо всех сил старался перевести на своё имя чрез совершение какого-нибудь подходящего акта...» (т. 14, с. 9).

Разумеется, ставить знак равенства между вполне допустимой операцией с семейным имуществом, которую осуществили старшие Достоевские (причем, вероятно, в полном согласии друг с другом) и махинациями Фёдора Павловича нельзя. Но в своей основе оба этих эпизода имеют использование имущества жены для увеличения состояния – семейного или личного.

В статье Т. Н. Дементьевой «Было ли доходным имение Достоевских?» убедительно корректируется традиционное мнение биографов Достоевского о безнадежной убыточности родительского поместья: «...имение Достоевских не было причиной разорения и несчастий для семьи, а наоборот, стало для них серьезным подспорьем» [Дементьева, 2021, с. 93]. Однако в этом свете иначе видятся некоторые черты характера Михаила Андреевича Достоевского: «Теперь пишу тебе, что за нынешним летом последует решительное и конечное расстройство нашего состояния... Снег лежал до мая месяца, следовательно, кормить скот чем-нибудь надобно было. Крыши все обнажены для корму. Но это ничто в сравнении с настоящим бедствием. С начала весны и до сих пор ни одной капли дождя, ни одной росы. Жара, ветры ужасные все погубили. Озимые поля черны, будто и не были сеяны; много нив перепахано и засеяно овсом, но это, по-видимому, не поможет, ибо от сильной засухи, хотя уже конец мая, но всходов еще не видно. Это угрожает не только разорением, но и совершенным голодом! После этого станешь ли ты роптать на отца за то, что тебе посылает мало» [Достоевский А. М., 1930, с. 21–22, URL: <https://www.litmir.me/br/?b=256457&p=21>].

Внимание привлекает контраст между жалобой на бедность и реальным положением имущественных дел – контраст, живо напоминающий уже Фёдора Павловича Карамазова: «...помещик он был самый маленький, бегал обедать по чужим столам, норовил в приживальщички, а между тем в момент кончины его у него оказалось до ста тысяч рублей чистыми деньгами» (т. 14, с. 7).

Подчеркнём, что мы вовсе не реанимируем старую идею З.Фрейда и Л. П. Гроссмана о прямой и однозначной прототипической связи старшего Достоевского и старшего Карамазова. Однако корректировки, внесённые современной наукой в представления об этой связи⁴, вовсе не отрицают возможность переноса, в определенной степени в утрированном виде, отдельных психологических черт от реального характера к литературному. Тем более, что вектор такого переноса вполне соответствует общему направлению трансформации автобиографических мотивов в «Братьях Карамазовых».

Мифологический характер «сюжетов» о смерти Михаила Андреевича, о его разврате после смерти супруги вполне доказан современным литературоведением⁵. Однако подчеркивая их «фольклорную» природу, нужно учитывать, что ровно по

⁴ См.: [Федоров, 1975, с. 7]; [Федоров, 1988, с. 219-238]; [Прохоров, 2017, с. 3-22].

⁵ См. например: [Бессонова, 2021, с. 61-76].

тем же законам, что и в XX веке, они функционировали и в XIX столетии, в том числе и при жизни Достоевского. Иными словами, Достоевский мог не верить в легенду о насильственной гибели отца, но во всяком случае он её *знал* и, по всей видимости, учитывал при создании образа старшего Карамазова.

Более того, вполне допустимо предположение, что некоторые родственные оценки личности и поведения старшего Достоевского могли отразиться впоследствии в образе Федора Павловича (вспомним, например, что версию об убийстве отца открыто воспроизвёл младший брат Андрей, воспитанный именно в доме Куманиных): «Бабушка, конечно, была на могиле отца в селе Моногарове, а из церкви заезжала к Хотяинцевым. Оба Хотяинцевы, т.е. муж и жена, не скрывали от бабушки истинной причины смерти папеньки, но не советовали возбуждать об этом дела...» [Достоевский А. М., 1930, с. 110].

Ещё раз подчеркнем: всё это не означает, что Михаил Андреевич действительно имел характерное сходство с Фёдором Павловичем, или что Достоевский действительно видел в отце подобную фигуру. Имеется в виду следующее: те оценки, которые даёт старшему Карамазову рассказчик в романе Достоевского, в более или менее резком виде присутствовали в семейном дискурсе следующего поколения Достоевских (особенно, младших – воспитывавшихся в доме Куманиных). Более того, именно в 1870-е годы, когда обострилась борьба за куманинское наследство (вплоть до тяжб родных братьев и сестёр), эти оценки могли, а по логике семейных конфликтов и должны были актуализироваться и обостриться.

Поэтому закономерно, что Куманины отразились в эпизодических персонажах романа. Так, образ тетушки Александры Фёдоровны Куманиной и ее роль в воспитании сестер и братьев Достоевского находят свою параллель в образе *«старухи самодурки генеральши, благодетельницы и воспитательницы»* (т. 14, с. 13), взявшей на себя воспитание Ивана и Алёши.

Имеет свой параллельный образ в романе и дядя, Александр Алексеевич Куманин. А. М. Достоевский в воспоминаниях отзывался о нём так: *«...дядя Александръ Алексьевичъ сдѣлалъ очень много добра нашему семейству, а по смерти папеньки, онъ пріютилъ насъ пятерыхъ сиротъ (два старшихъ брата были уже въ П<етер>бургѣ) и сдѣлался истиннымъ нашимъ благодѣтелемъ, въ особенности трехъ сестеръ, которымъ при замужествѣ ихъ далъ большія приданья...»* [Достоевский А. М., 1930, с. 39].

Этот отзыв стилистически и содержательно совпадает с характеристикой, которую дает рассказчик в «Братьях Карамазовых» Ефиму Петровичу Поленову: *«И если кому обязаны были молодые люди своим воспитанием и образованием на всю свою жизнь, то именно этому Ефиму Петровичу, благороднейшему и гуманнейшему человеку, из таких, какие редко встречаются. Он сохранил малюткам по их тысяче, оставленной генеральшей, неприкосновенно, так что они к совершеннолетию их возросли процентами, каждая до двух, воспитал же их на свои деньги и уж, конечно, гораздо более, чем по тысяче, издержал на каждого»* (т. 14, с. 14–15).

Наконец, история Дмитрия Фёдоровича в том виде, в каком она *рассказана* в начале романа также имеет свои автобиографические параллели. Во-первых, это отстроченное получение наследства, совмещенное с его выдачей *порциями*. Напомним, что Дмитрий Фёдорович стал получать свои наследственные деньги *«от Фёдора Павловича не раньше совершеннолетия, а до тех пор наделал долгов»* (т. 14, с. 11). Сам Фёдор Михайлович в подобной ситуации оказывался не раз, в том числе и в связи с куманинским наследством.

Сближает биографические обстоятельства героя и его создателя и специфическое *незнание* своего наследства: *«...пробыл он у него недолго и уехал поскорей, успев лишь получить он него некоторую сумму и войдя с ним в некоторую сделку насчет дальнейшего получения доходов с имения, которого (факт достопримечательный) ни доходности, ни стоимости он в тот раз от Фёдора Павловича так и не добился. Фёдор Павлович заметил тогда, с первого разу (и это надо запомнить), что Митя имеет о своем состоянии понятие преувеличенное и неверное»* (т. 14, с. 12).

Фёдор Михайлович, как, кстати, и другие дети М. А. Достоевского, о куманинском наследстве имел действительно завышенные представления. Отсюда его постоянные ожидания *спасения* от этих денег, мечты о сумме, которая, доставшись по наследству, разом решит все материальные проблемы. Излишне говорить, насколько это похоже на ожидания Дмитрия Фёдоровича, весь роман ищущего именно *спасительной* суммы.

Наконец, Фёдор Павлович в качестве распорядителя наследственного материнского имения исключительно недобросовестен. Так, предыдущая цитата завершается так: *«Фёдор Павлович был очень этим доволен, имея в виду свои особые расчеты. Он вывел лишь, что молодой человек легкомыслен, буен, со страстями, нетерпелив, кутила и которому только чтобы что-нибудь временно перехватить, и он хоть на малое время, разумеется, но тотчас успокоится. Вот это и начал эксплуатировать Фёдор Павлович, то есть отделяваться малыми подачками, временными высылками, и в конце концов так случилось, что когда, уже года четыре спустя, Митя, потеряв терпение, явился в наш городок в другой раз, чтобы совсем уж покончить дела с родителем, то вдруг оказалось, к его величайшему изумлению, что у него уже ровно нет ничего, что и сосчитать даже трудно, что он перебрал уже деньгами всю стоимость своего имущества у Фёдора Павловича, может быть еще даже сам должен ему; что по таким-то и таким-то сделкам, в которые сам тогда-то и тогда пожелал вступить, он и права не имеет требовать ничего более, и проч., и проч.»* (т. 14, с. 12).

Все это слишком напоминает махинации сначала некоторых душеприказчиков Куманиных, затем и адвокатов в наследственном процессе. Вполне резонно предположить, что уловки Фёдора Павловича – это отражение интриг вокруг раздела и продажи Рязанского и Тульского имений Куманиных⁶.

⁶ См. об этом: [Юхнович, 2020, с. 197-210].

Однако автобиографические претексты коллизии, возникшей между отцом и сыном Карамазовыми, этим не исчерпываются. В определенном смысле она воспроизводит известную эпистолярную ссору Ф.М. Достоевского и П. А. Карепина⁷. Так, в письмах Достоевского Петру Андреевичу Карепину в 1840-х годах есть и «неверное и преувеличенное представление о наследстве»: «...я отказываюсь от всего участка моего (приносящего до 1000 руб. дохода) за 1000 руб. серебром» (20-е числа августа 1844, т. 28/1, с. 93), и желание «что-нибудь временно перехватить»: «Из этой суммы 1 000 руб. сереб<ром> я прошу 500 руб. сереб<ром> выдать/разом, а остальные. 500 руб. сереб<ром> выдавать по 10 руб. сереб<ром> в месяц. Назначая 500 руб. сереб<ром> разом, я назначаю самое необходимое – 1500 для уплаты долгов и 250 на окупление издержек теперешних, которые по-настоящему требуют втрое более, чем 250 руб.» (т. 28/1, с. 94–95).

Например, прямо соотносится с привычкой Дмитрия Фёдоровича перехватывать в счёт наследства определенную сумму такая фраза самого писателя: «...это дело самое частное выдать 500 руб. серебром разом в счет стольких-то лет дохода – хоть десяти» (19 сентября 1844 г., т. 28/1, с. 13). Совпадает и желание «персонажей» решить проблему раз и навсегда. Так, молодой Достоевский пишет Карепину: «*Почти в каждом письме моем я предлагал Вам, как заведующему всеми делами семейства нашего, проект о выдележе, сделке, контракте, уступке или как там угодно части моего имения за известную сумму денег. Ответа не было никакого. Дело в том, что сумма, которую я требовал в обмен, была так ничтожна, что выгода семейства требовала подробнейшего рассмотрения моего предложения. Дело должно было быть сделано законно, следовательно опасаться было нечего (в сделках опасение допускается).*» (20-е числа августа 1844 г., т. 28/1, с. 81, 93). При этом упреки в излишней горячности, непродуманности поступков и даже литературности поведения, которые Карепин адресовал молодому адресату (а тот их саркастически высмеивал)⁸, в полной мере отражены в характере Дмитрия Карамазова, как он показан в романе.

Определенный автобиографизм образа Дмитрия Карамазова давно известен, однако в контексте наследственной темы становится понятно, что автобиографична философско-психологическая проблематика этого образа: трагедия «горячего сердца», семейное разделение, предьстория Дмитрия до начала романного действия и пр. Каторжная тема, с этой точки зрения, превращается только в дополнительную автобиографическую черту персонажа.

В то же время образ Дмитрия Фёдоровича как художественное целое и как часть более обширного художественного целого всего романа автобиографическим не является. Это другая история прежде всего потому, что она рассказана как история *Другого*. В самом начале она остраняется с помощью дискурса рассказчика, не вполне сочувственного не только по отношению к старшему Карамазову, но и по отношению к Митеньке. Кстати, и диминутив *Митенька* звучит в романе вполне иронично именно в речи рассказчика (ср. «*И покончили нашего Митеньку!*»).

⁷ См. об этом: [Сафронова, 2016, с. 29-43]; [Баршт, 2019, с. 339-357].

⁸ См. об этом: [Шаулов, 2012, с. 52-69].

Подчеркнуто враждебен дискурс Ивана в тех случаях, когда он говорит о старшем брате, не говоря уже о смердяковском отношении к Дмитрию Фёдоровичу. И даже «Исповедь горячего сердца» остраивается взглядом и реакциями Алёши. Именно призма его восприятия превращает сидящего «в секрете» Дмитрия Фёдоровича в фигуру одновременно и трагическую, и отталкивающую. Специфика нарративного строения этой сцены заявляется уже в её начале:

«Алёша сейчас же заметил восторженное состояние брата, но, войдя в беседу, увидел на столике полбутылки коньяку и рюмочку.

– Это коньяк! – захохотал Митя, – а ты уже смотришь: «опять пьянствует»? Не верь фантому» (т. 14, с. 96).

Опишем эту нарративную структуру. Прежде всего, она дана глазами Алёши, в его восприятии. Сам коньяк («полбутылки», между прочим) – деталь, безусловно, снижающая образ Дмитрия. Однако Алёша как слушатель и собеседник не осуждает поведение брата (ни вслух, ни в мыслях, которые здесь открыты читателю). Это осуждение *возможно*, и именно эту возможность мгновенно в следующей своей реплике реализует сам Дмитрий Карамазов.

Такой механизм в романе используется многократно. Например, в приведённом в начале диалоге Ивана и Смердякова, последний озвучивает именно возможную версию (он сам знает, что это неправда), но заставляет Ивана усомниться в его собственной оценке собственных же действий, заставляет увидеть возможность *осудить* себя. Именно на эту опасность, сам не понимая, «как бы вне себя, как бы не своею волей, повинясь какому-то непреодолимому велению» (т. 15, с. 40), указывает Ивану Алёша *перед* разговором со Смердяковым. И именно эта возможность прямо реализуется в разговоре Ивана с чёртом и приводит его к сумасшествию.

Подчеркнем, это не то, что называется диалогизмом. Здесь нет столкновения эстетической инициативы героя и автора, или, тем более, спора героя с автором. Речь идёт именно о способе рассказывания, когда событие воссоздается с нескольких *субъективных* ракурсов, из которых часть реализована словесно, а часть остается *потенциальным* (но при этом явственно ощущаемым) высказыванием. При этом разница между нарративами каждый раз приобретает этическое значение, от точки зрения зависит и нравственная (само)оценка героя.

Трудно отделаться от мысли, что прообраз такой нарративной структуры был дан Достоевскому именно в наследственном споре, когда различные трактовки одних и тех же фактов наследственного дела приводили к существенной разнице в понимании должного и недолжного, вызывая обиды. Известна предсмертная фраза Достоевского о сёстрах, произнесённая после рокового спора с Верой Михайловной о наследстве: «[Я причастился, исповедался, а все-таки не могу равнодушно подумать о сестрах]. Какие они несправедливые»⁹. Своё мнение о справедливости было, без сомнения, и у сестёр писателя. Однако в своём

⁹ См.: [Достоевская, 1993, с. 281].

романном мире, поднимаясь *над* разными представлениями о справедливости, праве и морали в связи с куманинским наследством, он оставил читателю потенциальную возможность оценить любую из этих точек зрения в их соотносительности с христианской.

Отмеченное нами различие нарративных дискурсов разделяет и самих братьев Карамазовых. Главная причина их разобщённости – невозможность (нежелание?) принять и понять взгляд *Другого* на происходящее. Поэтому разделение, разобщение семьи из-за наследства становится выражением глубинного, катастрофического распада семейных отношений.

Таким образом, давняя тема Достоевского, начавшаяся ещё в докаторжный период, – тема «случайного семейства», реализованная в форме сюжета о наследственной тяжбе, – нашла своё итоговое воплощение в романе «Братья Карамазовы».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Баршт, К. А. Письмо П. А. Карепина к Ф. М. Достоевскому от 5 сентября 1844 г.: исправленный текст / К. А. Баршт // Достоевский. Материалы и исследования. – Санкт-Петербург, 2019. Т. 22. – С. 339–357.

Бессонова, А. С. Легенды и факты о жизни М. А. Достоевского в Даровом (1837–1839) / А. С. Бессонова // Неизвестный Достоевский. – 2021. Т. 8. – № 1. – С. 61–76.

Борисова, В. В. «Дело о куманинском наследстве» в жизни и творчестве Ф. М. Достоевского / В. В. Борисова // Неизвестный Достоевский. – 2018. – № 1. – С. 32–42.

Борисова, В. В. Нравственные и юридические аспекты «куманинского дела» / В. В. Борисова // Неизвестный Достоевский. – 2019. – № 1. – С. 46–68.

Борисова, В. В. Мотив «крокового наследства» в романе Ф. М. Достоевского «Идиот»: реальный, мифопоэтический и историко-литературный комментарий / В. В. Борисова, С. С. Шаулов // Проблемы исторической поэтики. – 2019. – № 3. – С. 106–128.

Борисова, В. В. «Клуб червонных валетов» в романе Ф. М. Достоевского «Подросток» / В. В. Борисова, С. С. Шаулов // Неизвестный Достоевский. – 2020. – № 3. – С. 149–165.

Достоевская, А. Г. Записная книжка 1881 г. / А. Г. Достоевская // Ф. М. Достоевский в забытых и неизвестных воспоминаниях современников / вступ. ст., подгот. текста и примеч. С. В. Белова. – Санкт-Петербург: «Андреев и сыновья», 1993. – 332 с.

Достоевский, А. М. Воспоминания / А. М. Достоевский // Ленинград: Изд-во писателей в Ленинграде, 1930. – 426 с.

Нечаева, В. С. В семье и усадьбе Достоевских (Письма М. А. и М. Ф. Достоевских) / В. С. Нецаева. – Москва: Соцэкгиз, 1939. – 158 с.

Прохоров, Г. С. «Дело о смерти Михаила Андреевича Достоевского» или над чем корпели судьбы полтора года / Г. С. Прохоров // Неизвестный Достоевский. – 2017. – № 2. – С. 3–22.

Сафронова, Е. Ю. Проблема правового житнетекста Ф. М. Достоевского: дело с П. А. Карепиным / Е. Ю. Сафронова // Культура и текст. – 2016. – № 3 (26). – С. 29–43.

Сафронова, Е. Ю. Сибирский текст Ф. М. Достоевского / Е. Ю. Сафронова. – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2020. – 446 с.

Федоров, Г. А. К биографии Ф. М. Достоевского. Домыслы и логика фактов / Г. А. Федоров // Литературная газета. – 1975. – 18 июня. – № 25. – С. 7.

Федоров, Г. А. «Помещик. Отца убили...» / Г. А. Федоров // Новый мир. – 1988. – № 10. – С. 219–238.

Шаулов, С. С. «Куманинское дело» и роман «Подросток»: рецептивный аспект / С. С. Шаулов // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. – 2020. – № 4 (12). – С. 105–116.

Шаулов, С. С. Эволюция «эпистолярного героя» Ф. М. Достоевского: К проблеме творческой рефлексии писателя / С. С. Шаулов // Достоевский: Философское мышление, взгляд писателя. – Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2012. – С. 52–69.

Юхнович, Ю. В. Адвокаты Ф. М. Достоевского: из истории «куманинского процесса» / Ю. В. Юхнович // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. – 2020. – № 2(10). – С. 197–210.

REFERENCES

Barsht, K. A. Pis'mo P. A. Karepina k F. M. Dostoevskomu ot 5 sentyabrya 1844 g.: ispravlenyj tekst / K. A. Barsht // Dostoevskij. Materialy i issledovaniya. – Sankt-Peterburg, 2019. T. 22. – S. 339–357.

Bessonova, A. S. Legendy i fakty o zhizni M. A. Dostoevskogo v Darovom (1837–1839) / A. S. Bessonova // Neizvestnyj Dostoevskij. – 2021. T. 8. – № 1. – S. 61–76.

Borisova, V. V. «Delo o kumaninskom nasledstve» v zhizni i tvorchestve F. M. Dostoevskogo / V. V. Borisova // Neizvestnyj Dostoevskij. – 2018. – № 1. – S. 32–42.

Borisova, V. V. Nравstvennye i yuridicheskie aspekty «kumaninskogo dela» / V. V. Borisova // Neizvestnyj Dostoevskij. – 2019. – № 1. – S. 46–68.

Borisova, V. V. Motiv «rokovogo nasledstva» v romane F. M. Dostoevskogo «Idiot»: real'nyj, mifopoeticheskij i istoriko-literaturnyj kommentarij / V. V. Borisova, S. S. SHaulov // Problemy istoricheskij poetiki. – 2019. – № 3. – S. 106–128.

Borisova, V. V. «Klub chervonnyh valetov» v romane F. M. Dostoevskogo «Podrostok» / V. V. Borisova, S. S. SHaulov // Neizvestnyj Dostoevskij. – 2020. – № 3. – S. 149–165.

Dostoevskaya, A. G. Zapisnaya knizhka 1881 g. / A. G. Dostoevskaya // F. M. Dostoevskij v zabytyh i neizvestnyh vospominaniyah sovremennikov / vstup. st., podgot. teksta i primech. S. V. Belova. – Sankt-Peterburg: «Andreev i synov'ya», 1993. – 332 s.

Dostoevskij, A. M. Vospominaniya / A. M. Dostoevskij // Leningrad: Izd-vo pisatelej v Leningrade, 1930. – 426 s.

Fedorov, G. A. K biografii F. M. Dostoevskogo. Domysly i logika faktov / G. A. Fedorov // Literaturnaya gazeta. – 1975. – 18 iyunya. – № 25. – S. 7.

Fedorov, G. A. «Pomeshchik. Otca ubili...» / G. A. Fedorov // Novyj mir. – 1988. – № 10. – S. 219–238.

Nechaeva, V. S. V sem'e i usad'be Dostoevskih (Pis'ma M. A. i M. F. Dostoevskih) / V. S. Nechaeva. – Moskva: Socekiz, 1939. – 158 s.

Prohorov, G. S. «Delo o smerti Mihaila Andreevicha Dostoevskogo» ili nad chem korpeli sud'i poltora goda / G. S. Prohorov // Neizvestnyj Dostoevskij. – 2017. – № 2. – S. 3–22.

Safronova, E. Yu. Problema pravovogo zhizneteksta F. M. Dostoevskogo: delo s P. A. Karepinym / E. Yu. Safronova // Kul'tura i tekst. – 2016. – № 3 (26). – S. 29–43.

Safronova, E. Yu. Sibirskij tekst F. M. Dostoevskogo / E. Yu. Safronova. – Barnaul: Izd-vo Altajskogo gos. un-ta, 2020. – 446 s.

Shaulov, S. S. «Kumaninskoe delo» i roman «Podrostok»: receptivnyj aspekt / S. S. Shaulov // Dostoevskij i mirovaya kul'tura. Filologicheskij zhurnal. – 2020. – № 4 (12). – S. 105–116.

Shaulov, S. S. Evolyuciya «epistolyarnogo geroya» F. M. Dostoevskogo: K probleme tvorcheskoj refleksii pisatelya / S. S. Shaulov // Dostoevskij: Filosofskoe myshlenie, vzglyad pisatelya. – Sankt-Peterburg: Dmitrij Bulanin, 2012. – S. 52–69.

Yuhnovich, Yu. U. Advokaty F. M. Dostoevskogo: iz istorii «kumaninskogo processa» / Yu. V. Yuhnovich // Dostoevskij i mirovaya kul'tura. Filologicheskij zhurnal. – 2020. – № 2(10). – S. 197–210.